

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

В. А. Мазиллов

Психология: возвращение к Демокриту

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 15–06–10716

Статья посвящена анализу проблемы «психология и окружающий мир». Констатируется, что решение вопроса о соотношении психологии и мира можно решить только в том случае, если мы хорошо понимаем, что представляет собой психология сегодня, какой она явлена миру. Именно эти вопросы и обсуждаются в статье. Выявляется, каков имидж психологии сегодня, как ее перспективы оцениваются методологией и философией науки. В статье проанализированы плюсы и минусы оценки психологии со стороны философии науки. Определены те положения философии науки о психологии, с которыми согласиться нельзя. В частности, подвергается критике положение, согласно которому психология однозначно относится к социогуманитарному знанию. Утверждается, что психология, как на это указывали многие авторы, имеет комплексный характер и может быть квалифицирована как занимающая среднее положение между естественными и социогуманитарными науками. Формулируется подход, в соответствии с которым психология рассматривается как наука о внутреннем мире человека. Дается анализ преимуществ такого подхода, показано, что внутренний мир может быть адекватно понят в сопряжении с миром внешним, что дает возможность активно использовать в будущем ампликативные и конструктивные методы, рассматривая их как основные в психологии, полагающей своим предметом внутренний мир.

Ключевые слова: психология, наука, социальный мир, психика, внутренний мир

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

Psychology: Return to Democritus

The article analyzes the problem of «psychology and the world». It is stated that the question of the relationship between psychology and the world can be solved only if we understand what the psychology of today is as it is revealed to the world. These issues are discussed in the article. It reveals what the image of Today's Psychology, its prospects are evaluated with the methodology and philosophy of science. The article analyzes the pros and cons of psychological assessment on the part of the philosophy of science. The erroneous qualification of psychology is revealed with which we can't agree. In particular, it criticized the position according to which psychology is uniquely related to the socio-humanitarian knowledge. It is argued that psychology, as it is pointed out by many authors, is complex and can be described as occupying a middle position between the natural and social sciences and the humanities. The approach is formulated, according to which psychology is regarded as the science of the inner world of man. The analysis of the benefits of this approach, it is shown that the inner world can be adequately understood in conjunction with the world outside, which makes it possible to use actively new methods (amplificative and constructive) in the future, considering them as basic psychology, positing as its subject's inner world.

Keywords: psychology, science, social world, the psyche, the inner world.

Демокрит (ок. 460 – ок. 370 до н. э.), древнегреческий философ, как представляется, был первым, кто использовал понятие *микрокосма*. Микрокосм или микрокосмос (от греч. *μικρός* – ‘малый’ и от греч. *κόσμος* – ‘порядок, мир, вселенная’) – в античной натурфилософии понимание человека как вселенной (макркосмос) в миниатюре. Понятие «космос» было введено, насколь-

ко можно судить, Пифагором (570–490 до н. э.). Эта концепция известна во многих мистических учениях и служит основой для разнообразных теорий, согласно которым процессы, происходящие внутри человека, аналогичны вселенским процессам и подчиняются тем же самым законам.

В греческой культуре соответствие между микро- и макрокосмом было общепринятым и очевидным. «Считалось, что человек является Вселенной в миниатюре, то есть микрокосмом. В нем действуют те же силы, что и во всем Космосе. До нас дошел этот закон словами из Библии: “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его” (Быт., I, 27) и через слова, приписываемые Гермесу Трисмегисту (IV–III вв. до н. э.): “Как наверху, так и внизу”. Поэтому в те далекие времена, которые мы рассматриваем, к словам “познай самого себя” добавлялись “как часть мира, и мир как часть самого себя”. Позднее последняя часть в среде Великого Среднего, так будем называть людей, которые не стремятся познать Истину, и таких большинство, была отброшена как ненужная из-за непонимания необходимости этого дополнения. В этом выражении уже было заложено огромное знание: познать себя как микрокосм можно только при изучении трех миров: себя как человека; своего внутреннего мира и так называемого мира органической жизни или биосферы Земли, как сейчас называют ученые, куда входят люди, звери и растения. Это объяснялось тем, что некоторые законы, которые действуют в человеке, можно легче изучить в двух окружающих человека мирах» [4, с. 3–4]. Не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в Античности, тем более, как мы увидим, для возрождения этих идей могут появиться основания.

Выявлению и обозначению некоторых аспектов взаимодействия психологии и мира посвящена эта статья. Как представляется, ключевым сегодня является слово «мир»...

Психология и социальный мир. Вероятно, первый вопрос (безусловно, значимый), который следует адресовать (кому? – выясним чуть позже), это вопрос о том, какой психология представлена сейчас социальному миру (или, выражаясь более научно: каков имидж психологии и какова сегодня идентичность ее служителей?).

Сегодня кажется удивительным, что еще несколько десятилетий тому назад в отечественной – тогда еще советской – психологии кипели методологические споры о том, как она должна развиваться – «в ствол» или «в куст». Самое удивительное, что при этом считалось очень значимым расхождением представление различных ученых о том, сколько базовых категорий будет положено в основу психологии – одна или не-

сколько. То, что психология будет наукой, причем наукой будущего («наукой XXI века»), под вопрос тогда не ставилось и никаких сомнений не вызывало.

Сейчас времена изменились, и подвергается сомнению вообще само существование психологии как отдельной самостоятельной науки. Приведу выдержку из работы В. Ф. Петренко: «...нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – “психология”. И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе по языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из “психологии” выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [15, с. 93]. Не будем в данном случае кивать на молодость нашей замечательной науки. Запомним лишь слово «конгломерат». Не хочется даже упоминать те дискуссии, в которых выдвигается тезис о том, что, возможно, психология и не наука вообще... Увы, и такое мнение есть.

С другой стороны, не станем драматизировать ситуацию: процессы дифференциации и интеграции происходят постоянно: «все было встарь, все повторится снова»... На заре научной психологии в 1896 г. Дж. Стаут писал, что «скоро наступит время, когда никому не придет в голову писать книгу по психологии вообще, как не приходит в голову писать по математике вообще. К нашему предмету можно подойти с точки зрения физиологии, душевной патологии, этнологии и психофизического эксперимента. Каждый из этих методов имеет свои данные и свои особые независимые способы собирать и оценивать доказательства» [18, с. 3]. Однако достаточно скоро оценка меняется: «расхождение» (дизинтеграция) областей и методов психологии перестает восприниматься как позитивная неизбежность и в 1932 г. на X Международном конгрессе в Копенгагене Вольфганг Келер, один из выдающихся психологов XX в., предостерегал, что «если мы в ближайшее время не найдем связующие нити психологии, мы окончательно атомизируемся» (цит. по [17])... Все-таки психологии хочется быть настоящей наукой, Большой наукой!

Представляется, что классик-гештальтпсихолог в данном случае безоговорочно прав: связующие нити психологии жизненно

необходимы, причем сейчас это даже более актуально, чем во времена Келера...

Старейшина психологического цеха Джером Сеймур Брунер (в сентябре 2015 классик мировой психологической науки отметил столетие и продолжает активно работать) писал в своей автобиографии: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор не сообщающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (Цит. по [2, с. 117–118]). Скажем только: в 2016 г. мы продолжаем верить в то, что психология сохранит целостность и наведет эти мосты.

Для темы нашей статьи важно было бы показать, как возникла в истории идея, что психология должна быть целостным учением, объясняющим внутреннее устройство души. К сожалению, из-за ограниченности объема публикации в рамках настоящего текста нет возможности остановиться на анализе этих важных и многое проясняющих вопросов. Отметим лишь, что призыв Френсиса Бэкона реформировать науку был услышан и, при желании, может быть сочтен оправданной точкой. Очень кстати явилось создание термина психология, которому мы обязаны Марко Маруличу (между 1510 и 1517 гг.). И несомненно, первым, кто попытался создать науку о душе в рамках философии, был Христиан Вольф [27, 28]. С чувством глубочайшего сожаления также вынуждены отказаться в рамках настоящего текста от изложения результатов методологического анализа тех проектов, которые были представлены как обоснование психологии как целостного учения о душе.

Первым наше рассуждение и обратимся к обсуждению поставленного выше вопроса: каков сегодня статус психологии?

Разумеется, такой важный вопрос требует тщательного исследования. Ввиду отсутствия конкретных данных ограничимся некоторыми рассуждениями. В качестве предварительной оценки отметим, что психологи вообще очень часто избегают того, чтобы квалифицировать состояние своей науки. При этом достаточно часто самими психологами высказывается мнение, что психология находится в кризисе, что в этой науке не определены основные понятия и т. д. Зачастую проводятся сравнения психологии с естественными науками, при этом сопоставление складывается явно не в пользу психологии. В результате легко складывается мнение (заметим, совершенно необоснованное), что психология относится к

числу наук, уступающих естественным по степени своего развития. Не станем далее развивать этот сюжет, отметим лишь, что, возможно, психологам стоило бы высказываться более осмотрительно и, вероятно, не помешало бы целенаправленное создание позитивного имиджа психологии.

Другим источником представлений о психологии как науке должна быть, как представляется, философия науки. Подчеркнем, что для психологии в плане рассматриваемой нами темы важно взаимодействие с философией науки, ибо именно в рамках философии науки определяется статус дисциплины, ее принадлежность к определенной группе и т. п.

Скажем несколько слов о философии науки. Философия науки, как хорошо известно, представляет собой философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука [3]. Термин «философия науки» (*Wissenschaftstheorie*) впервые в 1878 г. появился в работе «Логика и философия науки» небыл известного Евгения Дюринга. Намерение Дюринга построить философию науки как «не только преобразование, но и существенное расширение сферы логики» не было им реализовано, однако данная терминологическая новация оказалась весьма своевременной, поскольку позволяла номинировать тенденцию, набирающую силу. Проблематика философии науки (структура и развитие научного знания) восходит к Платону и Аристотелю [3]. С формированием науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важнейшей областью философского исследования в работах Ф. Бэкона, Декарта, Лейбница, д'Аламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б. Больцано, который еще ограничивается фихтеанским термином «наукоучение» (*Wissenschaftslehre*) (Касавин, Пружинин, 2010). Состояние и значение современной философии науки определяется местом науки в обществе, в мировоззрении, а также набором ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем (Касавин, Пружинин, 2010). В качестве особого направления философия науки формируется в трудах У. Уэвелла, Дж. С. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Гершеля. Ее возникновение знаменовало собой отчетливую постановку нормативно-критической задачи – привести научно-познавательную деятельность в соот-

ветствие с некоторым методологическим идеалом [3].

В настоящей статье не может идти речь о философии науки в целом, это задача совсем другой работы. В настоящем тексте будут обсуждаться некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные промежутки отношения между психологией и философией науки были отчетливо различны: И. Г. Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж. С. Милль всю свою «Систему логики» (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге этого труда «Логика нравственных наук» и попутно обосновывал необходимость существования психологии как отдельной науки...

Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должно удивлять. Как часто бывает, трагизм ситуации, выраженный в заголовке статьи, несколько преувеличен: и философия науки, и психология себя прекрасно чувствуют. И относится этот трагизм лишь к последним этапам их существования. И представляется, что от этого нарушения взаимопонимания философия науки теряет больше, так как упускает (надеемся, пока) возможность проанализировать уникальную ситуацию грядущего интенсивного развития психологической науки и становления ее подлинно фундаментальной наукой.

Наша задача – попытаться понять, почему так получилось. (Справедливости ради необходимо отметить, что общие оценки очень часто оказываются не вполне справедливыми. Среди философов науки были и есть специалисты, которые активно интересовались положением дел в психологии. Можно назвать таких ученых, как Э. Г. Юдин, В. А. Лекторский и др. Мы говорим об общей тенденции, в этом случае отдельные исключения лишь подтверждают ее наличие.)

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки:

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Здесь, впрочем, мы не видим ничего нового и оригинального. Естественно-научное знание считается наиболее развитым, совершенным, и неявно эта модель принимается за общую – науки в целом. Подавляющее большинство исследований в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биоло-

гии и т. д. (Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические носит скорее «прикладной» характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре: аспиранты по гуманитарным специальностям не очень понимают, почему они должны изучать столь далекий от их повседневных занятий материал).

Констатируем, что Большая философия науки (философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; напомним, это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука) исходит из приоритета естественных наук, которые и являются образцом науки в целом.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н. Бора. Никто не будет спорить – это сложно. Но с другой стороны полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Поясним это, поскольку часто сложность психологического исследования в полной мере не осознается.

Итак, полезно помнить, что человек, участвующий в психологическом исследовании в качестве испытуемого, обладает сознанием. Следовательно, он имеет возможность рефлексии, поэтому исследование – это не только «субъект-субъектное» взаимодействие, но и, возможно, рефлексивная игра. Была бы мотивация. Отметим, что эта ситуация хорошо описана и проанализирована в научной фантастике. Однако хорошо известно, что человек, будучи сознательным существом, очень часто поступает нерационально. Причем это явно закономерность. До такой степени, что ученые, осознавшие этот факт и проанализировавшие причины такого поведения человека, заслуженно получили Нобелевскую премию. Но относительно сложности психологии перечисление осложняющих обстоятельств только начинается. Известно со времен З. Фрейда, что между сознанием и бессознательным существуют сложные отношения, причем часто поведение определяется, в конечном счете, отнюдь не сознанием. И опять же, существуют защитные механизмы, модифицирующие поведение индивида... Со времен К. Юнга хорошо известно, что сознательные тенденции обязательно компенсируются неосознаваемыми... К тому же Э. Берном

прекрасно показано, что один и тот же человек может находиться в различных субъективных состояниях и, что тоже важно, переходить из одного в другое.

Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Мы и не станем продолжать, только обратим внимание, что принципиально по-другому обстоит дело в психологии и с детерминацией: психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т. п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда как большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии много сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются. Во всяком случае, отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предосудительно (не случайно народная мудрость отмечает, что такая простота часто оказывается хуже иного криминала). Не случайно К. Юнг многократно подчеркивал, что время глобальных теорий еще не наступило [14, 12, 7].

3. Философия науки и само развитие науки определяет весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме достаточно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где новые данные лишь спокойно наслаивались бы и дополняли друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает того, что в других науках дело обстоит так же. Короче говоря, ситуация классическая: неоправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем, представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ состояния последней, выявление того, чем она на самом деле, по сути, является: архивом, отражающим прошедшее научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Тест состоит в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы оценить характер развития самой науки. Очевидно, что у «более революционной» и «более кумулятивной» науки будут существенно различные характеристики.

Итак, если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там нет не только правильных или неправильных концепций, но даже, в более мягком варианте, более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. Иными словами, концепции Фрейда, Адлера и Юнга, к примеру, до сего дня с успехом применяются и в науке, и на практике, имеют научную ценность. Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, «снимающих» (в гегелевском смысле) предшествующие.

Хочется обратить внимание на то, что психология – это не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В той же философии дело обстоит весьма сходным образом. Хорошо известно, что представление о современной философии дает история философии. Аналогично обстоит дело с искусством.

Не будем дальше продолжать поиск расхождений между *постулатами* философии науки и *реалиями* психологии. Констатируем, что философия науки, вероятно, хорошо описывает

процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии.

В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина «парадигма». Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что полностью дискредитируется этот термин. Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина «парадигма» вообще *не связана* с его исходной трактовкой, данной в 1962 г. Томасом Куном.

В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой по большей части дополнительную нагрузку на память студента и в лучшем случае обогащает его эрудицию, так как привести примеры из психологии авторам обычно не удается, поскольку отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Вряд ли стоит обвинять в сложившейся ситуации косность и леность мысли психологов – можно представить картину и так, что философия науки пока еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии. Положение в психологии – особое, она отличается существенно и от других социогуманитарных дисциплин. Не случайно мудрый Аристотель утверждал, что это наука о наиболее совершенном и возвышенном.

Однако в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространяемы на науку «вообще», становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке.

Приведем пример. В работах У. Куайна, Т. Куна, П. Фейерабенда сформулировано положение, которое получило название

«несоизмеримости научных теорий». Согласно этому положению, сменяющие друг друга научные теории несравнимы друг с другом как в теоретическом плане, так и в эмпирическом, поскольку у них не существует общей фактуальной базы. Заметим, что это достаточно характерная черта некоторых философов – доводить положение до абсурда (см. скептицизм, солипсизм и т. д.). Здесь обратим внимание на то, что соответствующая проверка показывает: утверждения о применимости тезиса о «несоизмеримости научных теорий» в психологии не только не обоснованы, но и скорее всего не соответствуют реальности, с которой мы имеем дело в психологической науке [7, 13]. Снова неоправданные обобщения. Поэтому в противоположность утверждениям философии науки может быть сформулирован тезис о «соизмеримости теорий в психологии», основанный на положениях коммуникативной методологии [6]. Утверждение о том, что у разных теорий не существует общей фактуальной базы, также нуждается в проверке и уточнении. В связи с недостаточной разработкой проблемы факта в психологии не учитываются особенности его детерминации. Есть основания полагать, что полномасштабный учет уровневой структуры факта позволит по-новому интерпретировать сами факты, которые окажутся соотносимыми в куда большей степени, чем об этом думали ранее.

Таким образом, резюмируем. Философия науки в настоящее время не готова к осознанию того, что науки различаются между собой гораздо значительнее, чем принято считать в этой уважаемой дисциплине. При определении различий или сходства стоит учитывать фактор предмета науки. И если учесть многоаспектность и многоуровневость предмета наук о психике, стоит признать, что традиционные схемы представления науки применительно к психологии не вполне адекватны. Не случайно наблюдаются ростки того движения, согласно которому за неимением *философии психологии* (от философии науки) идет формирование *философии психологии как психологической теоретической дисциплины*. Ибо необходимость в таком знании есть, а производить его философы науки не желают [11, 10, 14].

Итак, мы сталкиваемся с тем, что психология постоянно находится в поисках своего подлинного предмета. Стоит отметить, что психология чрезвычайно далека от финальности, от завер-

шенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел – только мелкие доработки». Психология, да, как выяснилось чуть позднее, и сама физика, далеки от завершенности. Процесс развития идет полным ходом. Вспомним, что научная психология заявила о себе как самостоятельной науке во второй половине XIX столетия. Тогда изучались с помощью самонаблюдения и эксперимента лишь ощущения, восприятия и произвольные движения. Сама научная психология называлась физиологической и изучала лишь простейшие психологические феномены. Вся дальнейшая история психологии в XX столетии это непрекращающиеся попытки углубить понимание предмета психологии и расширить границы научной психологии. Известный отечественный ученый М. С. Роговин писал в 1968 г.: «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития, как экстенсивного, так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция, несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [26, с. 2]. Путь от конгломерата фактов к конгломерату наук – длинный путь, хотя и уложился в короткое историческое время.

История психологии – история поисков предмета психологии. В «Британской энциклопедии» справедливо отмечено: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [26, с. 482]. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. По-настоящему фундаментальной наукой психология станет, когда начнет рассматривать психику в ее полном

объеме. Для этого придется отказаться от мешающих психологии чужих парадигм (естественно-научной или гуманистической) и вспомнить о том, что психика – уникальный научный объект и предмет, к постижению которого вряд ли приложимы в полной мере способы познания, выработанные в других науках.

Уместно вспомнить, что про значимость психологии в структуре научного знания в целом говорилось неоднократно. Фридрих Эдуард Бенек (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Ф. Бенек рассматривал психологию как науку, лежащую в основе философии, так как только психические явления непосредственно и адекватно познаваемы, а внешний мир постигается лишь по аналогии с внутренним познанием. Вот на это заключение забытого мыслителя хотелось бы обратить внимание. Близких взглядов придерживался и В. Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название психологизм.

Представляется, что необходимо некоторое пояснение. Если кому-то из читателей настоящего текста показалось, что целью настоящей работы является призыв к возрождению наивного психологизма, следует признать, что произошла ошибка. На самом деле главная мысль настоящего текста иная: мир внутренней жизни может быть понят, только будучи сопряженным миром внешним. Путь понимания и познания психического, как отмечалось когда-то К. Юнгом, – амплификация.

Вспомним для начала два высказывания К. Юнга. Первое – о том, что психику трудно определить: «Наша психика – лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем дать полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и описываем, как умеем, – лучшее из того, что мы можем, – описать, каким образом они действуют» [22, с. 27]. Первая выдержка в принципе понятна. Подчеркнем, что наше описание весьма несовершенно – описываем как умеем. Классик абсолютно прав. И второе: «Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем,

чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [21, с. 12]. Вот эту вторую цитату, как представляется, необходимо пояснить. Безусловно, душа является первичным необходимым условием мирового опыта. Но в дальнейшем необходимо параллельное и согласованное продвижение в познании мира, с одной стороны, и души – с другой. Мир внутренней жизни и внешний мир, которые соотносятся как макро- и микрокосм. Старое название микрокосма (Р. Лотце, О. Шпенглер и др.) вернется в психологию XXI в. Про метод амплификации уже было сказано, здесь не время и не место давать ему более подробную характеристику – отошлем читателя к работам К. Юнга и И. Якоби [23, 25].

Да простит нас читатель, приведем еще одну цитату. Обратимся к известному тезису 1039 из трактата Л. Витгенштейна «Заметки о философии психологии»: «Путаница в психологии не может быть объяснена ссылкой на то, что она является “молодой наукой”. Ее состояние нельзя даже сравнить с состоянием физики в ее молодые годы. И тем более – с состоянием некоторых ветвей математики. (Теорией множеств.) Ибо, с одной стороны, существует экспериментальный метод, а с другой – концептуальная путаница; как и в некоторых ветвях математики – концептуальная путаница и методы доказательств. В то время как в математике можно быть уверенным, что метод доказательства может быть полезным, даже если он плохо понят, в психологии плодотворность экспериментов весьма соблазнительна. Напротив, в психологии именно это является проблематичным, и существуют эксперименты, которые, как полагают, решают проблемы, в то время как из них ускользают именно тревожащие вещи» [1, с. 151]. Тезис, повторим, известный, но содержание нуждается, как представляется, в некотором комментарии. Причем подчеркнем, что возможный и обстоятельный комментарий может оказаться размером с небольшую книгу. Поэтому из всех потенциально возможных направлений комментария выберем только одно направление, а в нем лишь один аспект.

Не вполне ясно, что имеется в виду под путаницей в психологии. Действительно, не надо быть великим логиком и философом, чтобы утверждать наличие путаницы в психологии. При обилии различных путаниц, рискнем предположить, что речь здесь идет о путанице весьма су-

щественной, притом не являющейся следствием молодости означенной науки.

Нам представляется, что на роль «героя» этого фрагмента может претендовать главная психологическая путаница – путаница в определении предмета психологии. О предмете психологии написано много, но на наш взгляд, чрезвычайно важным представляется понимание предмета психологии как уровня образования. В свое время нами было опубликовано несколько статей, где были сформулированы требования к трактовке предмета, выявлены основные функции, которые предмет науки призван выполнять [7, 9, 12]. Но вместе с тем есть аспекты проблемы предмета, которые до сих пор не получили необходимой разработки. К числу таких значимых аспектов проблемы предмета психологии относится концепт «совокупный предмет». Совокупный предмет, несомненно, является производным от реального предмета, который характеризует сущность понимания психического, но вместе с тем выполняет важнейшую функцию определения пространств психической реальности. Иными словами, совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу. и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представлять собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как хорошо известно из истории психологии, может явиться «сознание». При этом причины тотальных неудач на этом исследовательском пути часто остаются без методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно не представляет собой целостность, способную к «самодвижению» (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Как давно и хорошо известно, сознание представляет собой вырванный (с кровью!) из ткани души кусок душевного аппарата. И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница, и как они – сознание и бессознательное – должны соотноситься. «Кровоточащий» след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что нали-

чие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Ибо, сознание – не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотносить сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Впрочем, из истории психологии хорошо известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «вышую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»).

На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно как природный объект, индивидуальность, а с другой как личность, которая имеет внутренний мир, который характеризуется через его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы позволить ему раскрыться [5]. Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отдельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга [20, с. 74]. И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент

жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека – это живой мир и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир, – это живая субстанция [20, с. 69].

Обратим внимание, что такие идеи не вполне соответствуют зафиксированному выше представлению философии науки об однозначной отнесенности психологии к классу социогуманитарных дисциплин. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время мы наблюдаем чрезвычайно бурный рост числа исследований в области так называемых нейронаук. Нейронауки, как известно, представляют собой междисциплинарную область знаний, занимающуюся изучением нейронных процессов. В настоящее время нейронауки включают ряд таких областей, как когнитивная наука, химия, информатика, инженерия, лингвистика, медицина, психология и др. Не имея возможности уделить внимание анализу этого вопроса в рамках настоящего текста, заметим, что это плохо соответствует квалификации психологии как социогуманитарной дисциплины, о которой говорилось в рамках настоящего текста.

Конечно, здесь не время и не место обсуждать эту глобальную проблему сколь-нибудь подробно. Отметим как итог настоящей статьи, что перспектива развития психологии видится в использовании категории «внутренний мир человека» как предмета современной психологии. По нашему мнению, это дает возможность сопряженного исследования внутреннего мира человека и мира человеческой жизни. Как можно полагать, возможно создание принципиально новых методов исследования психического, основанных на идеях юнговской амплификации.

Библиографический список

1. Витгенштейн, Л. Заметки о философии психологии. Т. 1 / перевод с нем. С. Д. Латушкина ; под редакцией В. В. Анашвили [Текст] / Л. Витгенштейн. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 192 с.
2. Зинченко, В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии [Текст] / В. П. Зинченко // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. – Ярославль, 2003. – С. 98–134.
3. Касавин, И. Т., Пружинин, Б. И. Философия науки [Текст] / И. Т. Касавин, Б. И. Пружинин // Новая философская энциклопедия. – Т. 4. – М., 2010. – С. 218–220.

4. Лавский, В. В. Вступление [Текст] / В. В. Лавский // Античная мудрость. – Ростов н/Д. : Феникс, 2010. – С. 3–21.
5. Леонтьев, Д. А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности [Текст] / Д. А. Леонтьев // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А. А. Леонтьева. – М., 2006. – С. 134–147.
6. Мазиллов, В. А. Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. – № 4. – Том 19. – С. 28–32.
7. Мазиллов, В. А. Методология психологии. [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль, 2007. – 344 с.
8. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема объяснения [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 1. – С. 58–73.
9. Мазиллов, В. А. Стены и мосты [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль, 2004. – 243 с.
10. Мазиллов, В. А. Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории [Текст] / В. А. Мазиллов // Актуальные проблемы психологии развития личности : сб. научных статей / под ред. Л. М. Даукши, К. В. Карпинского. – Гродно: ГрГУ, 2014. – С. 212–217.
11. Мазиллов, В. А. О философии психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Философия и/или новое интегративное знание – 3: Сборник материалов Всероссийской научной конференции / под ред. А. В. Азова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 136–158.
12. Мазиллов, В. А. Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции ; под редакцией Ю. П. Поваренкова. – 2007а. – С. 42–48.
13. Мазиллов, В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2015. – Том 36. – № 3. – С. 87–96.
14. Мазиллов, В. А. Методология современной отечественной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 3. – С. 9–24.
15. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Новый хронограф, 2010. – 440 с.
16. Роговин, М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории [Текст] : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / М. С. Роговин. – М., 1968. – 28 с.
17. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 424 с.
18. Стаут, Дж. Ф. Аналитическая психология. Т. 1 [Текст] / Дж. Стаут. – М. : Гос. издат-во, 1920. – 384 с.
19. Пиаже, Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук [Текст] / Ж. Пиаже // XVIII Международный психологический конгресс. 4–11 августа 1966 года. – М., 1969. – 168 с.
20. Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. Общая психология [Текст] : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М. : Юрайт, 2015. – 411 с.
21. Юнг, К. Г. Аналитическая психология [Текст] / К. Г. Юнг. – СПб., 1994. – 136 с.
22. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / К. Г. Юнг. – М., 1994. – 332 с.
23. Юнг, К. Г. Дух и жизнь [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Практика, 1996. – 560 с.
24. Юнг, К. Г. Конфликты детской души [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Канон, 1995. – 336 с.
25. Якоби, И. Психологическое учение К. Г. Юнга [Текст] / И. Якоби // Юнг К. Г. Дух и жизнь. – М. : Практика, 1996. – С. 385–534.
26. Encyclopaedia Britannica. L., 1963, vol. 18, p. 482.
27. Wolff, Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur / Ch. Wolff. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
28. Wolff, Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur / Ch. Wolff. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.

Bibliograficheskij spisok

1. Vitgenshtejn, L. Zametki o filosofii psihologii. T. 1 / perevod s nem. S. D. Latushkina ; pod redakciej V. V. Anashvili [Tekst] / L. Vitgenshtejn. – M. : Dom intellektual'noj knigi, 2001. – 192 s.
2. Zinchenko, V. P. Prehodjashhie i vechnye problemy psihologii [Tekst] / V. P. Zinchenko // Trudy Jaroslavl'skogo metodologicheskogo seminar: Metodologija psihologii. – Jaroslavl', 2003. – S. 98–134.
3. Kasavin, I. T., Pruzhinin, B. I. Filosofija nauki [Tekst] / I. T. Kasavin, B. I. Pruzhinin // Novaja filosofskaja jenciklopedija. – T. 4. – M., 2010. – S. 218–220.
4. Lavskij, V. V. Vstuplenie [Tekst] / V. V. Lavskij // Antichnaja mudrost'. – Rostov n/D.: Feniks, 2010. – S. 3–21.
5. Leont'ev, D. A. Lichnost' kak preodolenie individual'nosti: kontury neklassicheskij psihologii lichnosti [Tekst] / D. A. Leont'ev // Psihologicheskaja teorija dejatel'nosti: vchera, segodnja, zavtra / pod red. A. A. Leont'eva. – M., 2006. – S. 134–147.

6. Mazilov, V. A. Princip soizmerimosti teorij v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Serija «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. 2013. – № 4. – Tom 19. – S. 28–32.
7. Mazilov, V. A. Metodologija psihologii. [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl', 2007. – 344 s.
8. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. – № 1. – S. 58–73.
9. Mazilov, V. A. Steny i mosty [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl', 2004. – 243 s.
10. Mazilov, V. A. Filosofija psihologii kak psihologicheskaja disciplina: stranicy istorii [Tekst] / V. A. Mazilov // Aktual'nye problemy psihologii razvitija lichnosti : sb. nauchnyh statej / pod red. L. M. Daukshi, K. V. Karpinskogo. – Grodno: GrGU, 2014. – S. 212–217.
11. Mazilov, V. A. O filosofii psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Filosofija i/ili novoe integrativnoe znanie – 3: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii / pod red. A. V. Azova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – S. 136–158.
12. Mazilov, V. A. Metodologija psihologii na sovremennom jetape: problemy i perspektivy [Tekst] / V. A. Mazilov // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii ; pod redakciej Ju. P. Povarenkova. – 2007a. – S. 42–48.
13. Mazilov, V. A. Psihologija akademicheskaja i prakticheskaja: Aktual'noe sosushhestvovanie i perspektivy [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – Tom 36. – № 3. – S. 87–96.
14. Mazilov, V. A. Metodologija sovremennoj otechestvennoj psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. – № 3. – S. 9–24.
15. Petrenko, V. F. Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaja paradigma [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Novyj hronograf, 2010. – 440 s.
16. Rogovin, M. S. Jelementy obshej i patologicheskoi psihologii v postroenii psihologicheskoi teorii [Tekst] : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk / M. S. Rogovin. – M., 1968. – 28 s.
17. Rubinshtejn, S. L. Problemy obshej psihologii [Tekst] / S. L. Rubinshtejn. – M. : Pedagogika, 1973. – 424 s.
18. Staut, Dzh. F. Analiticheskaja psihologija. T. 1 [Tekst] / Dzh. Staut. – M. : Gos. izdat-vo, 1920. – 384 s.
19. Piazhe, Zh. Psihologija, mezhdisciplinarnye svjazi i sistema nauk [Tekst] / Zh. Piazhe // XVIII Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress. 4–11 avgusta 1966 goda. – M., 1969. – 168 s.
20. Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. Obshhaja psihologija [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.
21. Jung, K. G. Analiticheskaja psihologija [Tekst] / K. G. Jung. – SPb., 1994. – 136 s.
22. Jung, K. G. Problemy dushi nashego vremeni [Tekst] / K. G. Jung. – M., 1994. – 332 s.
23. Jung, K. G. Duh i zhizn' [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Praktika, 1996. – 560 s.
24. Jung, K. G. Konflikty detskoj dushi [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Kanon, 1995. – 336 s.
25. Jakobi, I. Psihologicheskoe uchenie K. G. Junga [Tekst] / I. Jakobi // Jung K. G. Duh i zhizn'. – M. : Praktika, 1996. – S. 385–534.
26. Encyclopaedia Britannica. L., 1963, vol. 18, p. 482.
27. Wolff, Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur / Ch. Wolff. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
28. Wolff, Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur / Ch. Wolff. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.